

«Уотергейт» как демократический ритуал*

Джеффри Александер

Аннотация. Статья посвящена культурсоциологическому анализу одного из самых значительных и труднообъяснимых событий американской истории, когда исходный акт взлома в отеле «Уотергейт» сначала не привлек сколько-нибудь существенного внимания современников, а после послужил началом масштабного политического кризиса. Дж. Александер анализирует динамику, механизмы и последствия этого события и его публичного резонанса, выстраивая объяснительную модель на основе развиваемой им культурсоциологической теории. Эта модель позволяет детально реконструировать формирование социального консенсуса на нескольких уровнях культурных структур и объяснить его связь с основными элементами общественно-политического контекста, публичными ритуалами и перформансами.

Ключевые слова. Культурсоциология, «Уотергейт», ритуал, перформанс, скандал, консенсус, реакция возмущения, осквернение, обобщение, сакральное, профанное.

В июне 1972 года представители Республиканской партии незаконно проникли со взломом в штаб-квартиру Демократической партии в отеле «Уотергейт» в Вашингтоне, округ Колумбия. Республиканцы описали проникновение как «третьеразрядный взлом», не имевший ни политических мотивов, ни этической значимости. Демократы заявили, что это масштабный акт политического шпионажа и, более того, символический поступок для безнравственного президента-демагога республиканца Ричарда Никсона и его администрации. Американцы не сочли более резкую реакцию убедительной. Происшествию уделялось относительно мало внимания, и в тот момент оно не породило настоящего чувства возмущения. Не было криков негодования. В основном имело место почтительное отношение к президенту, уважение к его власти и вера в то, что его объяснение событий соответствует истине, несмотря на наличие улик, которые позднее стали казаться явным доказательством обратного. За несколькими важными исключениями, рассчитанные на массовую аудиторию новостные издания и каналы через какое-то время решили привлекать поменьше внимания к этой истории не потому, что их принудили так поступить, а потому, что они искренне полагали, что это относительно неважное событие. Иными словами, «Уотергейтское дело» осталось частью профанного мира в смысле, который подразумевал Дюркгейм. Даже после выборов в федеральные органы власти в ноябре того года, когда демократы

* Пер. с англ. Г. К. Ольховикова под ред. Д. Ю. Куракина. Источник: *Alexander J. C. (2003). Watergate as democratic ritual // Alexander J. C. The meanings of social life: a cultural sociology. Oxford: Oxford University Press. P. 155–178.*

© Ольховиков Г. К., 2012

© Куракин Д. Ю., 2012

© Издательство «Праксис», 2012

© Центр фундаментальной социологии, 2012

уже четыре месяца поднимали шум вокруг инцидента, 80 % американцев с трудом могли поверить в то, что существует «Уотергейтский кризис»; 75 % полагали, что произошедшее — это просто обычная политика; 84 % считали, что то, что они слышали о происшествии, не повлияло на их выбор при голосовании. Два года спустя то же самое происшествие, которое по-прежнему называли «Уотергейт», породило самый серьезный политический кризис мирного времени в истории Америки. Оно стало захватывающим моральным символом, который открыл длинный коридор сквозь сакральное время и пространство и вызвал болезненное противоречие между чистыми и нечистыми сакральными формами. «Уотергейтское дело» стало причиной первого в истории добровольного ухода президента в отставку.

Как и почему изменилось восприятие этого события? Чтобы понять это, сначала необходимо осознать, на что указывает такой исключительный контраст между этими двумя видами общественного восприятия, а именно то, что собственно событие, незаконное проникновение в отель «Уотергейт», само по себе обошлось относительно без последствий. Это был просто набор фактов, и, несмотря на распространенное убеждение, факты ни о чем не говорят. Разумеется, за два года кризиса, по-видимому, обнаружились новые «факты», но совершенно поразительно то, что многие из этих «разоблачений» в действительности уже просочились в прессу и были опубликованы еще до выборов. «Уотергейтское дело» не могло, как сказали бы французы, высказать себя. О нем пришлось рассказывать обществу; если использовать знаменитое высказывание Дюркгейма, это был социальный факт. Изменился скорее контекст дела, а не сырые эмпирические данные как таковые.

Чтобы понять, как менялся рассказ об этом ключевом социальном факте, необходимо привести к дихотомии сакральное/профанное предложенное Толкоттом Парсонсом понятие обобщения (*generalization*). Существует несколько уровней, на которых можно рассуждать о любом социальном факте (Smelser, 1959, 1963). Эти уровни привязаны к разным видам социальных ресурсов, и сосредоточенность внимания на том или другом уровне может многое рассказать о том, проходит ли система через кризис — и, следовательно, подвергается процессу сакрализации — или же работает в рутинном, или профанном режиме и пребывает в равновесии.

Первый и самый конкретный уровень — это уровень целей. Политическая жизнь большую часть времени проходит на относительно приземленном уровне целей, власти и интереса. Выше него, так сказать, на более высоком уровне обобщения, находятся нормы — условности, обычаи и законы, которые регулируют этот политический процесс и борьбу. На еще более высоком уровне расположены ценности: те весьма обобщенные и первичные аспекты культуры, которые влияют на коды, регулирующие политическую власть, и нормы, внутри которых разрешаются проблемы конкретных интересов. Если политика осуществляется в рутинном режиме, сознательное внимание участников политического процесса направлено на цели и интересы. Это относительно конкретное внимание. Рутинная, «профанная» политика, в сущности, означает, что, по общему мнению, эти интересы не нарушают более общие ценности и нормы. Политика, выходящая за пределы обыденного, начинается, когда между

уровнями ощущается напряжение либо из-за изменений в природе политической активности, либо из-за перемен в общих обязательствах более сакрального характера, которые, как считается, регулируют данные уровни. В такой ситуации возникает напряжение между целями и более высокими уровнями. Внимание общественности перемещается от политических целей к более общим проблемам, к нормам и ценностям, которые, как полагают, находятся в опасности. В таком случае можно сказать, что произошло обобщение общественного сознания, о котором говорилось ранее как о центральном моменте ритуального процесса.

Именно в свете такого понимания можно осмыслить изменения в рассказе об «Уотергейтском деле». Поначалу 75 % американских граждан рассматривали его лишь как нечто на уровне целей, как «просто политику». Через два года после незаконного проникновения, к лету 1974 года, общественное мнение резко изменилось. Теперь 50 % населения считали эпизод с «Уотергейтом» проблемой, нарушавшей основополагающие обычаи и моральные принципы, и — со временем — угрозой самым сакральным ценностям, поддерживающим политический порядок как таковой. К концу этого двухлетнего периода кризиса почти половина из тех, кто голосовал за Никсона, изменили свое мнение, и две трети всех избирателей считали, что теперь проблема вышла далеко за пределы политики¹. Произошло коренное обобщение мнения. Факты не слишком изменились, но социальный контекст, в котором они рассматривались, был трансформирован.

Если взглянуть на двухлетний процесс трансформации контекста «Уотергейта», мы увидим создание и разрешение основополагающего социального кризиса, разрешение, которое включало в себя глубочайшую ритуализацию² политической жизни. Для достижения такого «религиозного» статуса было необходимо наличие исключительного обобщения мнения в отношении политической угрозы, которую создало самое ядро установленной власти, и успешная борьба не просто против этой власти в ее социальной форме, но и против могущественных культурных обоснований, к которым она прибегала. Чтобы понять этот процесс создания и разрешения кризиса, необходимо вписать теорию ритуала в более энергичную теорию социальной структуры и социального процесса. Позвольте мне дать общее описание данных факторов, прежде чем я объясню, как каждый из них связан с «Уотергейтом».

Что должно произойти, чтобы все общество пережило задевающий его основы кризис и ритуальное обновление?

Во-первых, чтобы событие было сочтено оскверняющим (Douglas, 1966) или отклоняющимся от нормы чем-то большим, чем крошечная часть населения, должен

1. Цифры взяты из панельного опроса 1972–1974 годов, проводившегося в рамках исследования выборов в федеральные органы власти США Институтом исследований в области социальных наук при Мичиганском университете.

2. Здесь и далее термин «ритуализация» употребляется в дюркгеймианском смысле, отсылая к важным символическим процессам, участники которых испытывают высокоинтенсивные эмоции, а не в более привычном для социологии (в частности, благодаря работам Р. Мертона) значении «ритуализация» как «рутинизация» или «выхолащивание». — *Прим. ред.*

существовать достаточный социальный консенсус. Иными словами, только при достаточном единодушии «общество» может взволноваться и вознегодовать.

Во-вторых, значительные группы, разделяющие этот консенсус, должны воспринимать событие не только как отклонение от нормы, но и как угрозу осквернения «центра» (Shils, 1975: 3–16) общества.

В-третьих, для разрешения этого глубокого кризиса необходимо задействовать методы институционального социального контроля. Однако даже легитимные нападки на оскверняющие источники кризиса часто воспринимаются как пугающие. Поэтому такого рода контроль также приводит в движение инструментальную силу и угрозу силы, чтобы усмирить оскверняющие силы.

В-четвертых, механизмы социального контроля должны сопровождаться активизацией и борьбой элит и групп общественности, четко разделенных и относительно автономных (например: *Political sociology*, 1971; Keller, 1963) по отношению к структурному центру общества. В ходе данного процесса начинается формирование контрцентров.

Наконец, в-пятых, должен иметь место действенный процесс символической интерпретации, то есть процессы ритуализации и очищения, продолжающие процесс навешивания ярлыков и утверждающие власть символического, сакрального центра общества в ущерб центру, который все больше людей считают лишь структурным, профанным и нечистым. В ходе этого данные процессы убедительно демонстрируют, что отклоняющиеся от нормы, «трансгрессивные» («transgressive») качества суть источники данной угрозы.

Объясняя, как каждый из этих пяти факторов сыграл свою роль в ходе «Уотергейтского дела», я покажу, что в сложном обществе реинтеграция и символическое обновление отнюдь не происходят автоматически. Исходная дюркгеймовская теория ритуала разрабатывалась в контексте простых обществ. Поэтому «ритуализации» можно было ожидать с уверенностью. В современных фрагментированных обществах политическая реинтеграция и культурное обновление зависят от контингентного исхода определенных исторических обстоятельств. Успешное сочетание этих сил встречается по-настоящему редко.

Прежде всего должна возникнуть возможность консенсуса. В период между проникновением в отель «Уотергейт» в июне 1972 года и соперничеством Ричарда Никсона и Джорджа Макговерна на ноябрьских выборах необходимого социального консенсуса не выработалось. В это время американское общество было сильно поляризовано в политическом отношении, хотя большая часть фактических социальных конфликтов шестидесятых годов существенно поостыла. Никсон заполучил должность президента отчасти за счет реакции возмущения на эти противостояния шестидесятых годов, в то время как кандидат от демократов, Джордж Макговерн, многим казался главным символом пресловутого «левачества». Оба кандидата в президенты полагали, что они и их народ продолжают битвы шестидесятых. Таким образом, деятельное присутствие Макговерна рядом с Никсоном в тот момент позволило последнему продолжить продвигать авторитарную политику, которая могла бы оправдать эпизод в отеле «Уотергейт». Не следует, однако, полагать, что если тогда не наблюдалось зна-

чительной реинтеграции, то не происходило и никакой значительной символической деятельности. В сложных обществах согласие осуществляется на нескольких уровнях. Может иметь место исключительно значимое культурное согласие (например, многостороннее и систематическое согласие по поводу структуры и содержания языка), в то время как социальных или структурных сфер субъективного согласия (например, правил политического поведения) не существует. Может иметь место символическое согласие без социального консенсуса, более того, это может происходить внутри более важных культурных площадок, чем язык.

Можно отследить сложное символическое развитие коллективного сознания американцев на протяжении лета 1972 года, развитие консенсуса, которое заложило основу для всего, что последовало далее, хотя и не привело к появлению консенсуса на социальных уровнях³. Именно в эти четыре месяца определился смысловой комплекс «Уотергейт». В первые недели, последовавшие за незаконным проникновением в штаб-квартиру демократов, «Уотергейт» в семиотическом смысле существовал лишь как знак, как обозначение. Более того, это слово просто относилось к единичному эпизоду. В течение дальнейших недель знак «Уотергейт» стал более сложным и начал обозначать серию взаимосвязанных событий, всплывших в связи со взломом, включая обвинения в политической продажности, запирательство со стороны президента, судебные иски и аресты. К августу 1972 года «Уотергейт» превратился из простого знака в символ с очень заметным ореолом, в слово, которое не столько обозначает фактические события, сколько имеет множество моральных коннотаций.

«Уотергейт» превратился в символ осквернения, воплощающий ощущение зла и нечистоты. В структурном отношении факты, напрямую связанные с делом — те, кто имел непосредственное отношение к преступлению, к штаб-квартире и к комплексу апартаментов, а также люди, которых включили в дело позднее, — помещались с отрицательной стороны системы символической классификации. Люди или учреждения, выследившие или арестовавшие преступников, помещались с другой, положительной стороны. Эту раздвоенную модель осквернения и чистоты затем наложили на традиционную структуру добро/зло американского гражданского дискурса, имеющие отношение к нашему обсуждению, элементы которого приведены в таблице 1. Итак, ясно, что хотя имело место значительное символическое структурирование, «центр» американской гражданской структуры никак в нем не участвовал.

Следует подчеркнуть, что это символическое развитие происходило в умах общественности. Мало кто из американцев не согласился бы с моральным смыслом «Уотергейта» как коллективного представления. Тем не менее хотя социальная основа данного символа многое включала в себя, этим символом практически и исчерпывался смысловой комплекс «Уотергейт» как таковой. Этот термин соотносил ряд событий и людей с моральным злом, но в коллективном сознании он не связывался со

3. Здесь я опираюсь на тщательное исследование показывавшихся по телевидению новостных репортажей по поводу «Уотергейтского дела», с которым можно ознакомиться в Телевизионных архивах Университета Вандербильта в Нэшвилле, Теннесси. Я изучил все новости, транслировавшиеся в вечерних новостных выпусках канала Си-би-эс с июня 1972 по август 1974 года.

Таблица 1. Система символической классификации в августе 1972 года

<i>«Структура» «Уотергейта»</i>	
<i>Зло</i>	<i>Добро</i>
Отель «Уотергейт»	Никсон и администрация/Белый дом
Взломщики	ФБР
Грязные плуты	Суды/команда обвинения Министерства юстиции
Специалисты по финансированию избирательной кампании (money raisers)	Федеральные надзорные ведомства
<i>Американская гражданская культура</i>	
<i>Зло</i>	<i>Добро</i>
Коммунизм/фашизм	Демократия
Теневые враги	Белый дом — американизм
Преступность	Закон
Продажность	Честность
Персонализм	Ответственность
Плохие президенты (например, Гардинг/Грант)	Великие президенты (например, Линкольн/Вашингтон)
Великие скандалы (например, дело о месторождении Типот-Дом)	Героические реформаторы

значимыми социальными ролями или моделями институционального поведения. Ни Республиканская партия, ни администрация президента Никсона, и менее всего сам президент Никсон, еще не подверглись осквернению через символ «Уотергейта». В этом смысле можно сказать, что произошло некоторое *символическое* обобщение, но не ценностное обобщение внутри социальной системы.

Такого обобщения не произошло, потому что социальная и культурная поляризация американского общества еще недостаточно сгладилась. Так как поляризация продолжалась, не могло быть движения вверх по направлению к общим для всех социальным ценностям; так как не было обобщения, то у общества в целом и не могло быть ощущения кризиса. Так как не было ощущения кризиса, другим упомянутым выше силам, в свою очередь, оказалось невозможно вступить в игру. Не было повсеместного ощущения угрозы центру, и из-за отсутствия этого ощущения не могло и произойти мобилизации сил, направленных против центра. Силы социального контроля, такие как следственные комитеты, суды и комитеты конгресса, боялись выступить против могущественного, надежного и законного центра. Сходным образом, четко выделенные элиты не боролись против угрозы центру (и со стороны центра), поскольку многие из этих элит были разобщены, напуганы, а их деятельность была парализована. Наконец, не возникло никаких глубоких ритуальных процессов — это могло бы произойти только в ответ на напряжение, порожденное первыми четырьмя факторами.

И все же за шесть месяцев, прошедших с момента выборов, ситуация начала меняться. Во-первых, начал складываться консенсус. Окончание сильно разделяющего общество периода выборов создало возможность сближения, которое подготавли-

валось на протяжении по крайней мере двух лет до начала «Уотергейтского дела». Социальная борьба шестидесятых годов уже давно закончилась, и инициатива в обсуждении многих проблем перешла к центристским группировкам⁴.

В ходе противостояния шестидесятых годов левые силы ссылались на ценности критического универсализма и рациональности, связывая их с общественными движениями за равенство и против институциональной власти, включая, конечно же, и власть самого патриотически ориентированного государства. Правые, со своей стороны, призывали к поддержанию партикуляризма и традиции и защищали власть и государство. В период после выборов доктрину критического универсализма могли принять уже и центристские силы, не опасаясь, что их мотивы будут сравнивать с узкими идеологическими мотивами или целями левого движения; в сущности, критика теперь могла быть направлена в защиту самого национального патриотизма американцев. Вместе с появлением консенсуса пришла и возможность возникновения ощущения нарушения моральных норм, а вместе с ней началось движение в сторону обобщения по отношению к политическим целям и интересам. Когда стал доступен первый ресурс консенсуса, стало возможным запустить и прочие процессы, упомянутые ранее.

Второй и третий факторы заключались в беспокойстве по поводу центра и введении институционального социального контроля. Поскольку перемены после выборов, описанные выше, обеспечили намного менее «политизированную» атмосферу, социальный контроль стал делом более безопасным. Такие институты, как суды, Министерство юстиции, различные бюрократические ведомства и специальные комитеты конгресса, могли устанавливать правила более законным образом. Сама эффективность этих институтов социального контроля, в свою очередь, придала законный характер попыткам средств массовой информации распространить осквернение, связанное с «Уотергейтом», ближе к центральным институтам. Осуществление социального контроля и большая близость к центру подкрепили сомнения общественности в том, был ли «Уотергейт» всего лишь отдельным случаем преступления, выводя на поверхность все больше «фактов». Хотя окончательное обобщение и серьезность дела оставались открытым вопросом, страхи, связанные с тем, что «Уотергейт» может стать угрозой центру американского общества, быстро распространились среди важных общественных групп и элит. Вопрос о близости к центру на протяжении этого раннего послевыборного периода «Уотергейтского дела» занимал каждую крупную группу. Позднее сенатор Бейкер озвучил это беспокойство в виде вопроса, ставшего знаменитым во время летних слушаний в Сенате: «Как много знал президент и когда он узнал об этом?». Беспокойство об угрозе центру, в свою очередь, подкрепило растущее ощущение нарушения нормы, усилило консенсус и внесло вклад в процесс обобщения. Оно также подвело рациональные основания под *введение* принудительного социального контроля. Наконец, в структурном отношении оно начало перестраивать «хорошую» и «плохую» стороны символизации «Уотергейтского дела». На

4. Данное наблюдение основано на систематических выборках из новостных изданий общенационального масштаба и транслировавшихся по телевидению выпусков новостей с 1968 по 1976 год.

какой стороне системы классификации на самом деле находились Никсон и его администрация?

Четвертым фактором стало противостояние элит. На протяжении этого периода процесс обобщения, подстегиваемый консенсусом, страхом за центр и деятельностью новых институтов социального контроля, подогревался желанием оказавшихся в отчуждении институциональных элит отомстить Никсону. Они были для Никсона воплощением «левачества» или просто «изощренного космополитизма» во время его первого президентского срока и стали объектом его законных и незаконных попыток подавления или установления контроля. Среди представителей этих элит были журналисты и газеты, интеллектуалы, университеты, ученые, адвокаты, верующие, фонды, и, последние по порядку, но не по значимости, представители власти в различных государственных ведомствах и Конгрессе США. Ведомые желанием сравнять счет, вновь закрепить свой пошатнувшийся статус и защитить свои универсалистские ценности в годы кризиса эти элиты пришли в движение с тем, чтобы сделаться контрцентрами.

К маю 1973 года, почти через год после незаконного проникновения и через шесть месяцев после выборов, все эти силы создания и разрешения кризиса начали действовать. В общественном мнении были запущены значительные изменения, и в игру вступали мощные структурные ресурсы. Только на этом этапе мог появиться пятый фактор кризиса. Только теперь могли начаться глубинные процессы ритуализации — сакрализация, осквернение и очищение — хотя, разумеется, важные символические изменения уже произошли.

Первый фундаментальный ритуальный процесс Уотергейтского кризиса включал в себя транслировавшиеся по телевидению слушания Специального комитета Сената, которые начались в мае 1973 года и продолжались до конца августа. Это событие вызвало огромный резонанс в процессе символического упорядочивания всего дела. Решение провести и показать по телевидению слушания в Сенате было реакцией на беспокойство, которое испытывали значительные группы населения. Последовавший процесс символизации помог канализировать это беспокойство в определенных четко выраженных направлениях большего обобщения и усиления консенсуса. Слушания явили собой некий вид гражданского ритуала, который оживил весьма общие, но при этом очень важные движения критического универсализма и рациональности в американской политической культуре. Ритуал воссоздал сакральную, обобщенную этику, на которой основываются более светские понятия долга, и это произошло за счет отсылки к мифологическому уровню национального осознания; мало каким другим событиям в послевоенной истории удалось то же самое.

Слушания были первоначально санкционированы Сенатом на определенных политических и нормативных основаниях, с целью разоблачить нечестные методы проведения избирательной кампании и предложить реформы законодательства. Однако сильная потребность в ритуальном процессе вскоре заставила забыть об этом первоначальном побуждении. Слушания превратились в сакральный процесс, посредством которого страна могла вынести суждение о критически рассматривавшемся теперь

«Уотергейтском деле». То, что этот процесс способствовал достижению консенсуса и обобщения, в некоторой степени неплохо осознавалось. Ведущие представители конгресса предоставляли членство в комитете по расследованию, имея в виду обеспечить в нем представительство наибольшему числу регионов и политических позиций, и отказывали в членстве любым политическим персонажам, потенциально способным поляризовать общество. Однако большая часть процесса обобщения протекала гораздо менее осознанно во время самого события. Усиливающийся ритуальный аспект дела вынудил членов комитета замаскировать свои зачастую резкие внутренние разногласия приверженностью гражданскому универсализму. Например, многие из членов комитета в шестидесятые годы были активными участниками радикальных или либеральных движений. Теперь им пришлось продвигать патриотический универсализм, не упоминая конкретных вопросов, поднимавшихся левым движением. Другие члены комитета, бывшие убежденными сторонниками Никсона и поддерживавшие политику, вызванную реакцией возмущения на бунты шестидесятых, теперь должны были полностью отказаться от такого оправдания политических мер.

В конечном итоге показывавшиеся по телевидению слушания явили собой лиминальный опыт (Turner, 1969), опыт, резко отделенный от профанных проблем и приземленных основ повседневной жизни. Создавалась ритуальная *коммунинас*⁵, которую американцы могли разделить, и внутри этого реконструированного общества невозможно было обращать внимание ни на один из тех поляризующих общество вопросов, которые породили Уотергейтский кризис, и на те исторические оправдания, которые за ним стояли. Вместо этого слушания возродили гражданскую культуру, на которой основывались демократические представления о «долге» на протяжении истории Америки. Чтобы понять, как мог появиться некий переходный мир, необходимо рассмотреть его как феноменологический мир в том смысле, который вкладывал в это понятие Альфред Шюц. Слушаниям удалось стать миром «к себе» («unto itself»). Это был мир *sui generis*, мир без истории. У его персонажей не было памятного прошлого. Он был в самом настоящем смысле «вне времени». Формирующие механизмы телевидения внесли свой вклад в то разукоренение (*deracination*), которое породило этот феноменологический статус. Изменения, вносившиеся при закрытых дверях, повторы, противопоставление, упрощение и прочие приемы, которые дали истории возможность мифологизироваться, остались невидимыми для зрителя. Добавим к этому «заключенному в скобки опыту» приглушенные голоса дикторов, помпезность и церемониальный характер «события», и мы получим рецепт конструирования посредством телевидения сакрального времени и сакрального пространства⁶.

5. Мы следуем устоявшемуся в русскоязычном научном словоупотреблении переводу тернеровского понятия «*communitas*», обозначающего особый тип социальной общности, характерный для лиминальных этапов ритуального процесса. — *Прим. ред.*

6. Для ознакомления с важным общим обсуждением того, как посредством телевидения общественное происшествие может превратиться в ритуальные «события», см.: Dayan, Katz, 1988.

На уровне приземленной реальности во время слушаний по «Уотергейтскому делу» шла война между двумя яростно соперничающими между собой политическими силами. Этим силам пришлось превратиться в символические выражения данного случая, и в результате они определялись и ограничивались культурными структурами даже в ходе борьбы за то, чтобы, в свою очередь, определить и ограничить эти структуры. Для Никсона и его политических сторонников «Уотергейтское дело» необходимо было определить политически: то, что сделали люди, взломавшие штаб-квартиру в отеле «Уотергейт» и занимавшиеся укрывательством, было «просто политикой», а про настроенных против Никсона сенаторов в комитете по «Уотергейтскому делу» (большинство из которых были членами Демократической партии) говорилось, что они просто занимаются политической охотой на ведьм. В противоположность этому критически настроенные по отношению к Никсону члены комитета считали нужным противостоять этому приземленному политическому определению. Никсона можно было осуждать, а «Уотергейт» официально считать настоящим кризисом, только если определить события как стоящие выше политики и как подразумевающие принципиальные нравственные проблемы. Более того, все это нужно было привязать к силам, близким к центру политического общества.

Первый вопрос заключался в том, нужно ли вообще транслировать слушания по телевидению. Позволить некому событию принять ритуализированную форму, означает дать персонажам драмы право решительно вмешаться в культуру общества; это означает дать событию и тем, кто определяет его смысл, особый, привилегированный доступ к коллективному сознанию. В простых обществах ритуальные процессы предписаны загодя: они происходят в заранее определенные периоды и заранее определенным образом. В более сложных обществах осуществления процессов ритуализации добиваются, часто в весьма неблагоприятных условиях. По сути, в современном обществе обретение ритуального статуса часто представляет угрозу частным интересам и группам. Действительно, мы знаем, что Белый дом принял все меры к предотвращению показа слушаний по телевидению, добивался того, чтобы им отводили меньше времени в эфире и даже оказывал давление на каналы, чтобы те урезали освещение событий после начала слушаний. Были также попытки заставить комитет опрашивать свидетелей в последовательности, которая была гораздо менее впечатляющей, чем та, которую использовали в конечном итоге.

Поскольку эти попытки не увенчались успехом, дело обрело ритуальную форму⁷. С помощью телевидения десятки миллионов американцев приняли символическое и

7. То, что Никсон боролся с телевидением, чтобы предотвратить ритуализацию, подчеркивает своеобразные качества эстетической формы, характерные для этого средства массовой информации. В своем новаторском очерке «Что такое кино?» Андре Базен (Bazin, 1958) предположил, что уникальный бытийный статус кинематографа по сравнению с письменными видами искусства, такими как романы, заключается в реализме. Базен имел в виду не то, что в кинематографе нет ничего искусственного, а то, что конечные результаты кинематографических трюков производят безошибочное впечатление реальности, жизненности и правдивости. Зрители не могут отстраниться от говорящих и высказывающихся образов с той же легкостью, что и от статичных, обезличенных, литературных форм. Такой убедительный реализм в той же мере отличает и телевидение, в особенности документальные пере-

эмоциональное участие в совещаниях комитета. Просмотр слушаний стал моральной обязанностью для больших групп населения. Рушились старые порядки и строились новые. То, что наблюдали зрители, было сильно упрощенной драмой — герои и злодеи появлялись в свой срок. Но эта драма составила очень серьезное символическое происшествие.

Обретение формы современного ритуала происходит непредзаданным образом, то же относится и к изложению содержания, потому что современные ритуалы и кодируются далеко не столь автоматически, как их предшественники. В контексте сакрального времени слушаний свидетели со стороны администрации президента и сенаторы боролись за нравственное узаконивание, за превосходство и господство в плане определения характера события и связанного с ним ритуала. Конечный ре-

дачи и выпуски новостей, в какой он отличает и классический кинематограф, хотя в данном случае телевидению противопоставляется газета, а не роман. Так, с момента появления телевидения после Второй мировой войны политические лидеры чувствовали, что управлять таким средством массовой информации, как телевидение, с его тайным трюком *mise en scène* (инсценировки. — *Прим. пер.*), значит придать своим словам — в восприятии общественности — бытийный статус истины.

В этом смысле борьба Никсона за то, чтобы слушания не показывались по телевидению, представляла собой борьбу за то, чтобы удержать информацию о слушаниях в Сенате внутри менее убедительного эстетического оформления в газетных статьях. Президент и его сторонники чувствовали, что, если слушания выйдут в телевизионный формат, битва уже будет частично проиграна.

Однако данную мысль из области философии эстетики следует уточнить в двух отношениях. Во-первых, из-за контингентности телевизионного новостного репортажа в прямом эфире, реалистичность слушаний в Сенате подкреплялась необходимой долей неопределенности. «Контроль» над инсценировкой «Уотергейтского дела» — над прямым репортажем с места слушаний — совершенно не был предрешен заранее. Однако эстетический афоризм Базена следует уточнить и еще в одном социологическом отношении. Телевидение, и даже «основанное на фактах» телевидение, есть средство массовой информации, которое зависит от силы своего влияния, а готовность зрителей к тому, чтобы на них было оказано влияние, готовность принимать утверждения о неких фактах как данность, зависит от доверия к тому, кто пытается их убедить. Та степень, до которой основанному на фактах телевидению верят, то есть то, как и до какой степени телевидение достигает того бытийного статуса, на который оно, так сказать, может претендовать эстетически, зависит от того, в какой степени его считают отдельным, беспристрастным средством информации.

Действительно, проанализировав данные опроса за этот период, можно предположить, что одним из самых сильных факторов, обещавших поддержку идее импичмента, было убеждение в том, что телевизионные новости непредвзяты. Отсюда следует, что одной из главных причин, по которой «Уотергейт» не получилось воспринять как серьезную проблему — не говоря уже о виновности Никсона — до выборов 1972 года, было распространенное ощущение, что средства массовой информации не являются независимыми, но составляют часть «либерального» модернистского движения; на такой связи активно настаивал вице-президент Спиро Агню. Тем не менее вследствие описанных выше процессов с января по апрель 1973 года средства массовой информации были постепенно реабилитированы. Ощущение политической поляризации пошло на спад, а остальные ключевые институты теперь, по-видимому, поддерживали ранее сообщавшиеся в средствах массовой информации «факты». Полагаю, что только потому, что телевидение теперь опиралось на достаточно масштабное единодушие в обществе, его сообщения и смогли приобрести статус реализма и правды. Следовательно, такое изменение социального контекста эстетической формы чрезвычайно важно для понимания эффекта слушаний в Сенате.

зультат никоим образом не был определен заранее. Исход зависел от успеха работы с символами. Описывать эту работу с символами — означает обратиться к этнографии, или герменевтике транслируемого по телевидению ритуала.

Свидетели со стороны Республиканской партии и администрации президента, которых призвали «дать отчет о своих действиях», на протяжении слушаний следовали двум символическим стратегиям. Прежде всего они пытались не дать вниманию общественности перейти от политического/профанного к ценностному/сакральному уровню. Они неоднократно пытались лишить происшествие его феноменологического статуса в качестве ритуала, пытались понизить градус напряжения, ведя себя расслабленно и непринужденно. Например, Х. Р. Холдeman, глава администрации президента, которого в рассчитанных на массового читателя изданиях сравнивали с гестаповцем, отрастил волосы подлиннее, чтобы выглядеть менее зловещим и более похожим на «своего парня». Свидетели со стороны администрации также пытались сделать реакцию общественности на свои действия более рациональной и конкретной, утверждая, что они действовали с позиции здравого смысла и в соответствии с прагматическими соображениями. Свидетели заявляли, что решили совершить преступления лишь в соответствии со стандартами технической рациональности. Секретные собрания, санкционировавшие широкий диапазон незаконной деятельности и рассматривавшие возможность еще большего числа незаконных дел, преподносились не как дурные, таинственные заговоры, а как технические обсуждения относительно «цены» участия в различных разрушительных и незаконных действиях.

Тем не менее сферы ценностей нельзя было не затронуть. Символ «Уотергейтского дела» уже стал довольно обобщенным, и слушания уже обрели ритуальную форму. В сущности, именно в этой сфере ценностей произошли самые знаменательные символические битвы слушаний, ведь речь шла не более и не менее как о борьбе за священную душу американской республики. Преступления «Уотергейта» совершались и поначалу оправдывались реакцией культурного и политического возмущения предыдущим периодом, то есть ценностями, в определенных отношениях противоречащими универсализму, критической рациональности и терпимости, на которых должна основываться современная демократия. Свидетели со стороны Республиканской партии и администрации президента взывали к этой субкультуре ценностей возмущения (backlash values). Они побуждали слушателей вернуться в поляризирующую атмосферу шестидесятых годов. Они стремились оправдать свои действия, рассуждая о патриотизме, потребности в стабильности, о «неамериканских» и потому отклоняющихся от нормы качествах Макговерна и левого движения. Они также оправдывали свои поступки, выступая против космополитизма, который в представлении традиционалистов, поддерживавших политику реакции возмущения, подрывал уважение к традиции и нейтрализовал универсалистские конституционные правила игры. Свидетели со стороны администрации в особенности призывали к лояльности как к наивысшему стандарту, который должен управлять отношениями между подчиненными и властью. Интересным визуальным акцентом, подытоживающим оба этих призыва, стала неявная ссылка на семейные ценности со стороны свидетелей администрации.

Каждый свидетель привел с собой жену и детей, если они у него были. Вид выстроившихся за свидетелем членов его семьи, чопорных и благопристойных, обеспечивал символические связи с традицией, властью и личной преданностью, которые символически объединяли группы, принадлежащие к культуре реакции возмущения (backlash culture).

Сенаторы, настроенные против Никсона, в свою очередь, столкнулись с невообразимо трудной задачей. Их плохо знали за пределами их собственных избирательных округов; им противостояли представители администрации, которая шестью месяцами ранее набрала на выборах рекордное в истории Америки число голосов. Более того, это гигантское количество голосов, поданное за нее, было частично оправданно партикуляристскими чувствами реакции возмущения, теми самыми чувствами, которые, как сенаторы теперь должны были продемонстрировать, являли собой отклонение от нормы и были далеки от подлинной американской традиции.

Какую работу с символами проделывали сенаторы? Первым делом они стали отрицать правомочность партикуляристских чувств и мотивов. Они заключили в скобки политические реальности повседневной жизни, в особенности важнейшие реалии жизни совсем недавно завершившихся шестидесятих годов. Ни разу на протяжении слушаний сенаторы не упомянули поляризующую борьбу того периода. Сделав эту борьбу невидимой, они отрицали наличие у действий свидетелей какого бы то ни было нравственного контекста. Данная стратегия изоляции ценностей реакции возмущения поддерживалась единственным положительным объяснением, которое допустили сенаторы, а именно тем, что заговорщики были просто-напросто глупцами. Сенаторы высмеивали свидетелей как людей, совершенно лишенных здравого смысла, и намекали, что ни одному нормальному человеку и в голову бы не пришло делать нечто подобное.

Стратегическое отрицание, или заключение в скобки в феноменологическом смысле, сопровождалось громогласным и невозмутимым утверждением универсалистских мифов, составляющих костяк американской гражданской культуры. Посредством своих вопросов, утверждений, отсылок, жестов и метафор сенаторы поддерживали мысль о том, что каждый американец, занимающий высокое или низкое положение, богатый или бедный, поступает добродетельно с точки зрения чистого универсализма гражданского общества. Никто не ведет себя эгоистично или бесчеловечно. Ни один американец не стремится к деньгам или власти за счет жертвования принципами честной игры. Никакая преданность коллективу не сильна настолько, чтобы нарушать общее благо, и не избавляет от необходимости критически относиться к власти. Истина и справедливость суть основа американского политического общества. Каждый гражданин действует рационально и по справедливости, если ему позволено знать истину. Закон есть совершенное воплощение справедливости, а долг состоит в применении справедливого закона к власти и силе. Так как власть развращает, долг обязан принуждать к безличным обязательствам во имя народной справедливости и разумности.

Сенаторы часто обращались к нарративным мифам, которые воплощали эти темы. Иногда это были вневременные притчи, иногда — повествования об истоках английского обычного права, иногда — рассказы о примерном поведении наиболее священных особ из числа президентов Америки. Например, Джон Дин, самый убедительный свидетель против Никсона, являл собой поразительное воплощение американского детективного мифа (*detective myth*) (Smith, 1970). Данный персонаж-представитель власти связан с пуританской традицией и в бесчисленных разнообразных историях изображается как человек, который придерживается истины и преследует несправедливость, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, без эмоций и без тщеславия. Прочие нарративы развивались менее предзаданным образом. Тем свидетелям со стороны администрации, которые сознавались в прегрешениях, «священнослужители», члены комитета, гарантировали прощение в соответствии с четко установленными ритуальными формами, и обращению этих свидетелей к делу праведности придавалась форма притч, используемых в оставшейся части слушаний.

Данные демократические мифы подкреплялись противостоянием сенаторов семейным ценностям. Их собственные семьи на протяжении слушаний остались совершенно невидимыми. Мы не знаем, были ли у них семьи, но эти семьи определенно не выставлялись на обозрение. Подобно председателю комитета Сэму Эрвину, который был постоянно вооружен томами Библии и Конституции, сенаторы воплощали собой трансцендентное правосудие, отделенное от личных или эмоциональных соображений. Еще одно противостояние, которое приобрело ритуальный статус, состояло в процессе принесения свидетелями присяги. Каждый из них поднимал правую руку и клялся говорить правду перед Богом и людьми. Хотя такая присяга обладала формальным законным статусом, она также выполняла гораздо более важную функцию обеспечения морального понижения. Она сводила знаменитых и могущественных лиц до уровня обыкновенных людей. Она помещала их в подчиненное положение по отношению к всеохватному и универсалистскому закону страны.

В ходе более прямых и явных столкновений сенаторы сосредоточивали свои вопросы на трех основных темах, каждая из которых имела основополагающее значение для нравственной укорененности гражданского демократического общества. Во-первых, они подчеркивали абсолютное верховенство должностных обязанностей по отношению к личному долгу: «У нас страна законов, а не людей» — этот рефрен звучал постоянно. Во-вторых, они подчеркивали встроенность должностных обязанностей в высшую, трансцендентную власть: «людские законы» должны уступить перед «божьими законами». Или, как сказал председатель комитета Сэм Эрвин Морису Стэнсу, незадачливому министру финансов никсоновского комитета по переизбранию президента (СРЕТ): «Что важнее — не нарушать законов или не нарушать этических принципов?» Наконец, сенаторы настаивали на том, что трансцендентная укорененность запрета на одновременное замещение должностей на государственной службе и в частных компаниях позволяет Америке достичь подлинной солидарности — в терминах Гегеля, стать подлинной «конкретной универсалией». Приведем знаменитое высказывание сенатора Уикера: «Республиканцы не занимаются укрыва-

тельством, республиканцы не идут на угрозы... и всем известно, что республиканцы считают своих американских сограждан не врагами, которых нужно преследовать, [но] человеческими существами, которых нужно любить и чье расположение нужно завоевывать».

В обычное время многие из этих заявлений были бы встречены насмешками, улюлюканьем и цинизмом. В сущности, многие из этих заявлений были неправдой в отношении конкретной эмпирической реальности повседневной политической жизни, и в особенности в отношении политической реальности шестидесятых годов. Однако они не столкнулись ни с насмешками, ни с улюлюканьем. Причина заключалась в том, что сейчас речь шла не о повседневной жизни, а о ритуализированном и лиминальном событии, о периоде усиленного обобщения, которое властно притягало на истину. Речь шла о сакральном времени, а палаты, где проходили слушания, стали сакральным пространством. Комитет вызывал к жизни ярчайшие ценности и не пытался описывать некий эмпирический факт. На этом мифологическом уровне заявления можно было рассматривать и понимать как истинные — и как в действительности воплощающие нормативные устремления американского народа. Именно в таком свете они рассматривались и понимались большим числом американцев.

По окончании слушаний не было издано закона и не было вынесено определенного приговора на основании улик, но они тем не менее имели очень важные последствия. Слушания поспособствовали установлению и полному узакониванию схемы, придавшей смысл Уотергейтскому кризису. Этого удалось добиться за счет продолжения и углубления культурного процесса, который начался еще до самих выборов. Фактические события и персонажи эпизода в отеле «Уотергейт» оказались помещены в рамки более контрастной антитезы чистых и скверных элементов американской гражданской культуры. До начала слушаний «Уотергейт» уже был символом, окруженным ярким ореолом структурных полюсов американской мифологической жизни, полюсов, которые для американцев были неявно связаны со структурой их гражданских кодов. Итак, слушания, во-первых, привели к тому, что эта культурная связь стала явной и хорошо выраженной. «Хорошие парни» — их поступки и мотивы — очистились в процессе сакрализации за счет соотношения с Конституцией, нормами справедливости и гражданской солидарностью. Преступники в «Уотергейтском деле» и идеи, на которые они опирались, чтобы оправдать себя, были осквернены за счет ассоциаций с символами гражданского зла: узкими интересами, эгоизмом, партикуляристской лояльностью. Более того, как видно из этого описания, слушания также изменили схему связей между элементами «Уотергейта» и политическим центром страны. Многие из самых могущественных людей в окружении президента Никсона теперь неуклонно ассоциировались со злом «Уотергейта», а некоторые из его откровенных врагов соотносились с добром этого дела. По мере того как структурный и символический центры гражданской религии расходились все дальше и дальше, американской общественности было все труднее совместить партию президента и элементы гражданской сакральности (см. таблицу 2).

Таблица 2. Система символической классификации в августе 1973 года

<i>«Структура» «Уотергейта»</i>	
<i>Зло</i>	<i>Добро</i>
Отель «Уотергейт»	Никсон и администрация/Белый дом
Взломщики	ФБР
Грязные плуты	Суды/команда обвинения Министерства юстиции
Специалисты по финансированию избирательной кампании (money raisers)	Федеральные надзорные ведомства
Сотрудники комитета по переизбранию президента и Республиканская партия	
Бывший прокурор США Джон Митчелл и министр финансов	Специальный прокурор Арчибальд Кокс
Ближайшие помощники президента	Сенаторы Эрвин, Уикер, Бейкер
Федеральные надзорные ведомства Президент Никсон	
<i>Американская гражданская культура</i>	
<i>Зло</i>	<i>Добро</i>
Коммунизм/фашизм	Демократия
Теневые враги	Белый дом — американизм
Преступность	Закон
Продажность	Честность
Персонализм	Ответственность
Плохие президенты (например, Гардинг/ Грант)	Президент Никсон Великие президенты (например, Линкольн/Вашингтон)
Великие скандалы (например, например, «Уотергейтское дело»)	Героические реформаторы (например, Сэм Эрвин)

Хотя такое прочтение событий основано на этнографическом описании и интерпретации, процесс усугубляющегося осквернения виден и в данных опросов. За период с выборов 1972 года и перед самым окончанием кризиса в 1974 году лишь однажды наблюдалось масштабное увеличение числа американцев, которые считали «Уотергейтское дело» «серьезным». Это произошло в течение первых двух месяцев слушаний по делу, с апреля по начало июля 1973 года. До начала слушаний только 31 % американцев считали «Уотергейт» «серьезной» проблемой. К началу июля это мнение разделяли 50 % граждан, и цифра не менялась до окончания кризиса.

Хотя, несомненно, имел место некий чрезвычайно важный ритуальный опыт, в рамках любого из современных приложений теории культуры признается, что такие современные ритуалы никогда не принимают законченный вид. Прежде всего символы, появившиеся в ходе ритуального процесса, должны быть выделены самым тщательным образом. Несмотря на частые упоминания об участии президента в деле и на тень президента, осеняющую слушания, данные опросов показали, что большинство американцев в результате этого ритуального переживания не пришли к убеждению о причастности президента Никсона. Далее, ритуальное воздействие слушаний ощущалось неравномерно. Слушания Сената оказали наибольшее воздействие на опреде-

ленные центристские и левые группировки: 1) на тех, кто голосовал за Макговерна и чье возмущение Никсоном получило великолепное подкрепление; 2) на тех умеренных демократов, которые, даже если они и голосовали за Никсона, теперь возмущались им, особенно учитывая, что многие сменили партию, чтобы за него проголосовать; 3) на тех умеренных или либеральных республиканцев и независимых политиков, которые хотя и не соглашались со многими мнениями Никсона, все же проголосовали за него. Последние две группы были особенно важны для всего процесса разворачивания «Уотергейтского дела». Они испытывали классическое перекрестное давление, и именно находящиеся под перекрестным давлением группировки вместе с решительными сторонниками Макговерна оказались наиболее глубоко вовлеченными в слушания. Почему? Возможно, они нуждались в слушаниях, чтобы разобраться в своих смешанных чувствах, прояснить решающие вопросы, избавиться от неприятной неопределенности. О таком соотношении участников свидетельствуют данные опроса. С середины апреля 1973 по конец июня 1973 года — период начала слушаний и самых ярких разоблачений — рост числа республиканцев, которые считали «Уотергейт» серьезным, составил 20 %, а среди независимых политиков — 18 %; однако среди демократов эта цифра составила лишь пятнадцать процентов⁸.

Кризис, последовавший за слушаниями и продлившийся один год, с августа 1973 по август 1974 года, перемежался эпизодами нравственных потрясений и гнева общественности, обновленной ритуализацией, дальнейшими изменениями в символической классификации, куда теперь оказался включен и структурный центр — президентская должность Никсона, — и дальнейшим расширением социальной основы солидарности с этим символизмом, куда теперь стала входить большая часть слоев американского общества. Слушания привели к учреждению Специальной прокуратуры. В качестве сотрудников, но не председателей, туда входили почти исключительно ранее отчужденные от участия в политике члены левой оппозиции Никсону, со вступлением в должность сделавшие заявления о своей приверженности беспристрастному правосудию, благосклонно воспринятые общественностью, что дополнительно продемонстрировало мощное обобщающее и объединяющее явление, стоящее за этим процессом. Первым специальным прокурором стал Арчибалд Кокс, который благодаря выходу из пуританской среды и образованию в Гарварде был идеальным воплощением гражданской религии. Никсон уволил Кокса в октябре 1973 года, поскольку Кокс попросил суды опротестовать решение президента скрыть информацию от Специальной прокуратуры. В ответ на это последовал масштабный выплеск стихийного гнева общественности, который журналисты немедленно окрестили «резня субботнего вечера».

По-видимому, американцы сочли увольнение Кокса профанацией тех связей, которые развились во время сенатских слушаний, приверженности недавно возрожден-

8. Цифры, приведенные в последних двух параграфах, взяты из данных опроса, представленных в: Lang and Lang, 1983: 88–93, 114–117. Хотя термин «серьезное» взят из опроса, Глэдис и Курт Лэнг не выделяют достаточно четко те конкретные символические элементы, к которым относилось это обозначение.

ным сакральным постулатам и противостояния определенным ужасным ценностям и табуированным акторам. Так как американцы соотносили свои положительные ценности и надежды именно с Коксом, его увольнение вызвало страх осквернения их идеалов и их самих. Беспокойство привело к общественному возмущению, взрыву общественного мнения, в ходе которого в Белый дом пришло три миллиона писем только за одни выходные. Эти письма прозвали «внезапным паводком», что являло собой языковую игру с докризисным значением слова «Уотергейт»⁹. Такая метафора подразумевала, что оскверненная вода скандала в конце концов пробилась водяные затворы и затопила близлежащие сообщества. Сходным образом выражение «резня субботнего вечера» переплеталось с глубинными риторическими мотивами. В двадцатые годы знаменитое массовое убийство в гангстерском районе Чикаго прозвали «резней Дня святого Валентина». «Черной пятницей» окрестили тот день в 1929 году, когда обвалился американский рынок акций, разрушив надежды и доверие миллионов американцев. Итак, увольнение Кокса породило тот же тип символического сгущения, что и символизм сновидения, но в больших масштабах. Более того, беспокойство граждан усиливалось из-за того, что осквернение теперь распространилось непосредственно на ту самую фигуру, которая должна была скреплять американскую гражданскую религию, на самого президента. Уволив Кокса, президент Никсон напрямую прикоснулся к расплавленной лаве сакральной нечистоты. Осквернение, которое нес с собой «Уотергейт», теперь проникло в самый центр социальной структуры Америки. Если во время сенатских слушаний поддержка объявления импичмента президенту Никсону усилилась лишь на несколько пунктов, то после «резни субботнего вечера» она выросла на полных десять пунктов. Этот внезапный паводок привел к первым действиям конгресса по объявлению импичмента и возобновлению процесса импичмента в Палате представителей.

Еще один случай сильного распространения осквернения произошел после обнародования в апреле и мае 1974 года расшифровок разговоров в Белом доме, тайно записывавшихся в период эпизода в отеле «Уотергейт». На кассетах содержались многочисленные примеры обманов президента, равно как и исходящих от него бранных выражений и оскорбительных замечаний о чьей-либо этнической принадлежности. Поведение Никсона снова вызвало огромное негодование общественности. Своими словами и зафиксированными поступками он осквернил те самые постулаты, которые возрождались всем ходом расследования «Уотергейтского дела»: сакральный статус истины и образ Америки как инклюзивного, терпимого сообщества. Символический и структурный центры американского общества разошлись еще дальше, и Никсон (представитель структурного центра) все больше оттеснялся к оскверненной, дурной стороне бинарных противопоставлений «Уотергейта». Потрясение, вызванное расшифровкой записей, помогло четко выделить символический центр и продемонстрировало, что этот центр ни либерален, ни консервативен. В сущности, большая часть возмущения по поводу грязных выражений Никсона была основана на консервативных убеждениях относительно пристойного поведения и правил гражданского

9. Watergate — водяной затвор (англ.).

приличия, убеждениях, которые возмутительно игнорировались врагами Никсона, левым движением, во время поляризующего общества периода до начала Уотергейтского кризиса.

В июне и июле следующего года в Палате представителей началось судебное разбирательство, направленное против Никсона. Слушания по процедуре импичмента проводились юридическим комитетом палаты и знаменовали собой самый торжественный и формализованный ритуал во всем «Уотергейтском деле». Они оказались заключительной церемонией, обрядом изгнания, в ходе которого политическое образование избавляется от последнего и наиболее угрожающего источника сакральной нечистоты. К началу слушаний символизация «Уотергейта» уже зашла очень далеко; по сути, «Уотергейт» превратился не только в символ с важными обозначаемыми, но и в могущественную метафору, самоочевидный смысл которой сам по себе определял разворачивающиеся события. Более того, смысловая структура, связывавшаяся с «Уотергейтом», теперь окончательно располагала огромной частью сотрудников Белого дома и «центра» на стороне гражданского осквернения и зла. Единственный неразрешенный вопрос состоял в том, попадет ли в итоге на ту же сторону и сам президент Никсон. Слушания в Палате представителей вернулись к тем же темам, что обсуждались на слушаниях в Сенате за год до этого. Самым распространенным из обсуждений, которые составляли фон слушаний, было обсуждение смысла выражения «серьезные преступления и правонарушения», фразы из Конституции, которая устанавливала основания для процедуры импичмента. Сторонники Никсона настаивали на том, что необходимо узкое истолкование, согласно которому чиновник должен совершить фактическое гражданское правонарушение. Противники президента стояли за широкое истолкование, куда вошли бы вопросы политической этики, безответственности и обмана. Очевидно, что это был спор об уровне кризиса системы: идет ли речь лишь о нормативных, законодательных вопросах, или же кризис распространился и до самых общих ценностных оснований всей системы? Если учесть чрезвычайно ритуализированный формат слушаний и сильнейшую символизацию, которая предшествовала обсуждениям комитета, представляется почти невозможным, чтобы комитет выбрал что-то иное, чем широкое истолкование «серьезных преступлений и правонарушений».

Это обобщенное определение задавало тон единственной ярче всего выраженной особенности слушаний: постоянному подчеркиванию приверженности членов комитета принципам справедливости и объективности его процедур. Журналисты часто отмечали, что конгрессмены прочувствовали всю серьезность дела и выступали не как политические представители определенных групп интересов, а как воплощения сакральных гражданских документов и демократических обычаев. Такому вознесению над разделением по партийному признаку соответствовало сотрудничество среди членов юридического комитета, которое, по сути, и задавало тон в его формальных, транслировавшихся по телевидению обсуждениях. Важнейшие члены комитета в шестидесятых годах критиковали действия истеблишмента, например, войну во Вьетнаме, и поддерживали противостоящие истеблишменту движения, такие

как движение за гражданские права. И, однако же, поддержка той или иной партии ни разу не сыграла какой-либо роли в ходе масштабного освещения работы комитета журналистами; даже консерваторы правого толка ни разу не привлекали к этому внимания. Почему же? Потому что этот комитет, как и комитет в Сенате годом ранее, существовал в лиминальном, особом пространстве. Члены комитета также действовали в сакральном времени, их обсуждения служили непрерывным продолжением не их непосредственного партийного прошлого, а великих эпизодов, определяющих историю американской республики. Они виделись великими патриотами, подписавшими Декларацию независимости, создавшими Конституцию и разрешившими кризис Союза, который запустил Гражданскую войну.

Аура лиминальной трансцендентности побудила многих из самых консервативных членов комитета, южан, чьи избирательные округа массово голосовали за Никсона, действовать по совести, а не из соображений политической целесообразности. В действительности южный блок стал основой сложившейся коалиции большинства, возникшей в поддержку трех статей импичмента. Показательно, что эта же коалиция намеренно обошла четвертую статью, предложенную ранее либеральными демократами; по этой статье Никсон осуждался за тайные бомбардировки Камбоджи. Хотя эта более ранняя статья относилась к настоящему нарушению закона, данный вопрос трактовался большинством американцев в сугубо политических терминах, терминах, по поводу которых у них до сих пор были большие *разногласия*. Напротив, последние три статьи импичмента относились только к полностью обобщенным вопросам. На карту был поставлен код, управлявший политической властью, вопрос о том, могут ли и должны ли безличные должностные обязанности управлять личными интересами и поведением. Именно нарушение Никсоном его должностных обязанностей заставило Палату проголосовать за импичмент.

После отставки Никсона в американском обществе явно чувствовалось облегчение. Довольно долго политическое сообщество находилось в переходном состоянии, в условиях сильного беспокойства и нравственного погружения, которые почти не оставляли времени на приземленные проблемы политической жизни. Когда вице-президент Джеральд Форд вступил в должность президента, произошел ряд символических превращений, указывавших на ритуальную перекомпоновку. В первом же выступлении после вступления в должность президент Форд объявил, что «наш долгий национальный кошмар закончился». Газетные заголовки гласили, что солнце наконец-то выглянуло из-за туч, что начинается новый день. Американцы без конца говорили о силе и единстве страны. Сам Форд превратился вследствие этих обрядов перекомпоновки из довольно неуклюжего партийного лидера в исцелителя страны, в воплощение «хорошего парня», который олицетворяет собой высочайшие стандарты этического и политического поведения.

Прежде чем продолжить описание процесса символизации, происходившего после этой перекомпоновки, я бы хотел еще раз подчеркнуть, что современные ритуалы никогда не принимают законченный вид. Как показывают данные опроса, даже после ритуальной церемонии, в ходе которой произошло согласованное голосование

за статьи импичмента, и после ритуального обновления, наступившего с приходом к власти президента Форда, существенная часть американского общества не была убеждена в виновности Никсона. От 18 до 20 % американцев не считали президента Никсона виновным ни в нарушении закона, ни в поведении, позорном с точки зрения нравственности. Иными словами, эти американцы не участвовали в обобщении мнения, которое изгнало Никсона с его должности. Скорее они воспринимали «Уотергейтское дело» как затеянное врагами Никсона из соображений политической мести. Демографические сведения об этой лояльной группе не предоставляют особенной информации. Это были люди с разным уровнем образования, представители всех классов и профессий. Одно из немногих значимых структурных совпадений состояло в том, что они, как правило, были южанами. Однако, по всей видимости, действительно выделяли эту группу, их политические ценности. У этих людей были жесткие и узкие представления о политической лояльности, в которых, например, вера в Бога соотносилась с преданностью американизму. У них также был глубоко личный взгляд на политическую власть, они гораздо больше, чем другие американцы, выражали свою верность Никсону как человеку, а также его семье. Наконец, и это неудивительно, данная группа гораздо более негативно, чем прочие американцы, относилась к общественным движениям левого толка шестидесятых годов. То, что эти люди придерживались поляризованного и исключаящего видения политической солидарности, подкрепило их нежелание осуществлять обобщение специфически политических вопросов до общих нравственных проблем. Такое обобщение включало бы в себя не только критику Никсона, но и восстановление более широкого, более инклюзивного политического сообщества. Голосуя за Никсона, они поддерживали кандидата, который обещал воплотить их чувства реакции возмущения (*backlash sentiments*) бунтами шестидесятых и который в первые годы пребывания в должности выглядел склонным осуществить их желание иметь более узкое и примордиальное политическое сообщество.

Период социальной перекомпоновки, последовавший за лиминальным периодом «Уотергейта» — завершение непосредственно ритуального эпизода, — вновь приводит к проблеме дихотомической сущности западной социальной теории, потому что сюда входит отношение между такими категориями, как харизма/рутинность, сакральное/профанное, обобщение/институционализация (см.: «Дилемма уникальности», Глава 2). С одной стороны, ясно, что со вступлением в должность президента Форда воцарилась гораздо более обыденная атмосфера. Институциональные акторы и общественность в целом, по-видимому, вернулись на профанный уровень целей и конфликта интересов. Снова начались политические разногласия. Противоречия, связанные с экономикой инфляции, впервые за много месяцев вышли на страницы газет и, наряду с зависимостью Америки от иностранной нефти, получили преувеличенное значение в ходе выборов в конгресс осенью 1974 года.

Согласно теориям рутинизации и конкретизации (*specification*), или институционализации, конец ритуализации ведет за собой новую, постсимволическую фазу, где осуществляется институционализация, или закрепление духа ритуала в реальной

форме. Наиболее полное теоретическое изложение данного перехода представлено в трудах Нейла Смелзера (Smelser, 1959, 1963) и Толкотта Парсонса (Parsons et al., 1955: 35–132). Согласно их теории, посткризисные структуры развиваются потому, что они лучше приспособлены к тому, чтобы справляться с первоначальным источником неравновесия. Таким образом, обобщение заканчивается вследствие того, что вновь созданные структуры эффективно справляются с конкретным ролевым поведением. До известной степени такие новые и лучше приспособляющиеся институты действительно появились в ходе «Уотергейтского дела». Появились новые структуры, позволившие политической системе сильнее отделиться или изолировать себя от конфликта интересов и обеспечивавшие большее продвижение к универсализму. Были разработаны правила по поводу одновременного занятия должностей на государственной службе и в частных компаниях, и эти правила применялись к назначениям президента; было установлено, что для назначения на ключевые должности в аппарате президента, такие как должность директора Бюро управления и бюджета, необходимо согласие конгресса; была создана постоянная Специальная прокуратура, и министр юстиции был обязан в течение тридцати дней после получения любого отчета конгресса о нарушении решить, нужно ли привлечь к делу прокурора; наконец, финансирование президентских предвыборных кампаний из федерального бюджета было оформлено в виде закона. Кроме того, имел место ряд институциональных нововведений, санкционированных менее формальным образом: должность руководителя администрации стала менее могущественной, доктрина привилегий исполнительной власти применялась гораздо осторожнее; по важным вопросам советовались с конгрессом.

Эмиль Дюркгейм и Макс Вебер были бы склонны поддержать эту дихотомическую картину разрешения кризиса. Вебер, конечно же, рассматривал большую часть политического взаимодействия не как культурное, а как инструментальное явление. Когда действительно случаются харизматические эпизоды, они смягчаются в ходе неизбежного процесса рутинизации, запущенного призывами к контролю со стороны преследующих собственные интересы сотрудников вождя после его «смерти» (Weber, 1968: 246–255)¹⁰. Трактовка Дюркгейма отличается большей сложностью. С одной стороны, он считал неритуальный мир глубоко профанным, безоценочным (non-valuational), политическим или экономическим, полным противоречий, и в некотором смысле даже несоциальным (Alexander, 1982: 292–306). Однако в то же время для Дюркгейма это резкое отличие явно перекрывалось теорией, предполагавшей большую преэминентность, поскольку он настаивал на том, что бурление (effervescence),

10. Эдвард Шилз (Shils, 1975; см.: The protestant ethic, 1968) трактует теорию харизмы Вебера другим, менее инструментальным образом, что гораздо лучше согласуется с выбранным мной подходом. Шилз делает превращение в обыденность следствием институционализации и говорит о сохранении ею сакрального статуса. Однако открытое использование Шилзом идей Вебера и понятия харизмы больше говорит нам о том, что Харольд Блум называл страхом влияния (anxiety of influence), чем о реальных теоретических истоках его труда, потому что Шилз явно больше опирается на поздние труды Парсонса и Дюркгейма, чем собственно на Вебера.

исходящее от ритуалов, продолжает распространяться на постритуальную жизнь еще какое-то время после непосредственного периода ритуального взаимодействия.

Хотя кризисная модель обобщения-конкретизации позаимствована у функционалистского анализа, понятие обобщения как ритуала взято у Дюркгейма. Представленный здесь анализ социального кризиса, таким образом, наделяет процесс символизации гораздо большей автономией, чем это делалось бы в рамках чисто функционалистского подхода. На мой взгляд, обобщением и ритуализацией не занимаются исключительно по психологическим или социально-структурным причинам — либо из-за беспокойства, либо из-за неэффективности социальных структур — но и потому, что имело место посягательство на моральные убеждения, находящие страстную поддержку. Процессы символизации в той же степени помогают разобраться в вопросах этого уровня, в какой они обеспечивают более действенные структуры для решения конкретных, «реальных» выводящих из равновесия проблем. Именно поэтому ритуализация достигается не за счет простого структурного изменения, но также и за счет не прерывающегося культурного бурления. Перезаряженные антиномии культурного порядка и эмоциональная интенсивность, лежащая в их основе, продолжают порождать нравственные противоречия, а зачастую и поддерживать резко отличающиеся друг от друга культурные ориентации.

В сравнении с, скажем, последствиями дела Дрейфуса бурление «Уотергейта» следует понимать в терминах *относительного* обретения культурной интеграции. «Уотергейт» стал считаться — что чрезвычайно важно при сравнении — не проблемой левого или правого движения, а проблемой национального масштаба, относительно которой у большинства сторон было единое мнение (см.: Schudson, 1992). Все соглашались с тем, что налицо были определенные «уроки «Уотергейта»», которые стране предстояло усвоить. В период между 1974 и 1976 годами американцы постоянно рассуждали об императивах того, что стали называть «этикой после «Уотергейта» («Post-Watergate morality»). Люди переживали эти события как могущественную социальную силу, разрушавшую институты и репутации. «Этикой после «Уотергейта» называли бурление, исходящее от ритуального события. Так назывались возрожденные ценности критической рациональности, антиавторитаризма и гражданской солидарности. Так назывались оскверненные ценности конформизма, почтения к личности, а не должности, и борьбы узких групп. На протяжении нескольких лет после завершения лиминального состояния американцы применяли эти сильно заряженные нравственные императивы к конфликтам групп и интересов и к бюрократической жизни, каждый раз требуя полного универсализма и усиленной солидарности.

Итак, для взрослого населения — с детьми, как кажется, дело обстояло несколько иначе — последствием «Уотергейта» стал не усилившийся цинизм или политическая безучастность. Совсем наоборот, ритуальное бурление усилило веру в политическую «систему», хотя порожденное ею недоверие продолжало расшатывать доверие ответственности к определенным институциональным акторам и властям. Недоверие к институтам отличается от утраты легитимного характера общими системами как таковыми (Lipset, Schneider, 1983). Если нормам и ценностям, которые, как считается,

регулируют политическую жизнь, доверяют, может происходить более ожесточенная борьба за обладание властью и силой (см.: Barber, 1983). В этом смысле политическая демократия и политическая эффективность могут противостоять друг другу, потому что первая ведет к конфликту, а вторая зависит от порядка и контроля.

Сразу после «Уотергейтского дела» повышенная чувствительность к общему смыслу понятия долга и демократической ответственности действительно привела к усилению разногласий и к ряду нападок на контроль со стороны властей. «Уотергейт» стал сильно заряженной метафорой в большей степени, чем когда-либо. Теперь он являлся не просто обозначением объективно имевших место событий, но нравственным стандартом, который помогал субъективно создавать эти события. Граждане государства, вдохновленные символической мощью этого дела, выискивали случаи предосудительного поведения и пытались их наказать. В результате последовал ряд скандалов: например, «Кореягейт» и «Биллигейт» на американской сцене и «Виногейт» за границей. В сущности, символическая мощь этой метафоры оказалась удивительно стойкой вплоть до сегодняшнего дня. Она задала нарративные рамки для суждений по поводу действий президента Клинтона в ходе дела «Моникагейт».

Огромный выплеск «Уотергейта» в коллективное сознание американцев в 1973 и 1974 гг. породил последовавшие за основным ударом потрясения в виде популистского антиавторитаризма и критической рациональности.

- 1) Почти сразу же вслед за церемониями перекомпоновки развернулась плотная цепочка беспрецедентных расследований конгресса. Нельсону Рокфеллеру, кандидату в вице-президенты при Форде, пришлось пройти через длинное и бурное, показывавшееся по телевидению расследование относительно возможных злоупотреблений его личным богатством. Конгресс также организовал невероятно масштабные, транслировавшиеся по телевидению расследования тайной, зачастую антидемократической деятельности ЦРУ и ФБР, институтов, чья патриотическая власть ранее не подвергалась сомнению. Поток таких «малых «Уотергейтов», как их называли, продолжался и при президенте Картере в 1976–1980 годах. Главный помощник Джимми Картера Берт Лэнс был вынужден уйти с должности после широко освещавшихся слушаний, которые поставили под сильное сомнение его финансовую и политическую честность. Каждое расследование порождало отдельный скандал; каждое из них следовало, часто вплоть до малейших деталей и слов, символической форме, установленной «Уотергейтом».
- 2) Дух «Уотергейта» породил целые реформаторские движения нового типа. Появилось Общество отчетов о расследованиях, новая организация, отвечавшая порыву нравственно вдохновленной, критической журналистики со стороны тех журналистов, которые интериоризировали опыт «Уотергейта» и стремились экстериоризировать его модель. Лица, расследующие преступления в рамках федерального уголовного права — адвокаты и полицейские, — сформировали отделы по борьбе с должностными преступлениями по всей территории Соединенных Штатов Америки. Впервые в истории Америки зна-

чительные карательные ресурсы были переброшены с преступников в их привычном понимании, зачастую принадлежащих к низшим слоям общества, на высокопоставленных должностных лиц в государственной и частной сферах. У многих вдохновленных моделью «Уотергейта» прокуроров городов и штатов и федеральных прокуроров сложилось твердое, априорное убеждение, что должностные лица вполне могут совершать преступления против своего народа. Выслеживая таких преступников и преследуя их в судебном порядке, прокуроры пытались поддерживать нравственную бдительность всех властей в отношении их должностных обязанностей как таковых.

- 3) В месяцы, последовавшие за перекомпоновкой, власти подвергались критическому рассмотрению на всех институциональных уровнях американского общества, даже на самых приземленных. Например, организация бойскаутов переписала свою конституцию с целью подчеркнуть не только лояльность и послушание, но и право на критическое оспаривание. Судей на конкурсе красоты «Чернокожая Мисс Америка» обвинили в пристрастности и предвзятости. Профессиональные сообщества пересматривали и переписывали свои этические кодексы. Официальных представителей сообществ учащихся средних школ и университетов призывали к действиям после того, как случались мелкие скандалы. Члены администраций городов и мэры «выводились на чистую воду» в каждом городе, большом и маленьком. В большей части этих противостояний конкретным вопросам политики и интересов не уделялось значительного внимания. На карту были поставлены сами кодексы должностных обязанностей.

Иными словами, за этими приземленными институциональными событиями на самом деле стояли усилившиеся резкие символические противоположности культуры, сложившейся после «Уотергейта». Такие его отзвуки также проявлялись в сохранении других, менее определенно привязанных к «Уотергейту» мотивов. Например, постоянно говорилось о том, что Америка находится в состоянии морального единства. Группы людей, которых раньше исключали или преследовали, в особенности те, что ассоциировались с Коммунистической партией, были публично обелены. Ранее уже упоминалось, что учреждения, в наибольшей мере ответственные за политическую охоту на ведьм, особенно ФБР, уже получили выговор за свой антиамериканизм. Появились книги, статьи, фильмы и телесериалы о безнравственности и трагичности «Маккартизма», где подвергавшиеся преследованиям коммунисты и сочувствующие им изображались в сострадательном и интимном свете. Движение против войны через тот же процесс ретроспективного преобразования стало видаться в респектабельном, даже героическом свете. Скрывавшиеся лидеры подпольных организаций «новых левых», несомненно, вдохновленные этим возрождением духа общности, перестали прятаться, веря в то, что государство, но в особенности процесс формирования мнения в умах американцев, даст им возможность оправдаться. Именно в контексте того же духа реинтеграции первый избранный после «Уотергейта» президент,

Джимми Картер, предоставил полное и совершенное помилование тем, кто незаконными, но мирными способами сопротивлялся войне во Вьетнаме.

На протяжении всех этих событий яркость нечистых символов «Уотергейта» поразительным образом осталась нетронутой. В газетах по поводу процессов заговорщиков в этом деле, бывших членов кабинета министров и высокопоставленных помощников печатались огромные заголовки, и им уделялось много внимания. Их опубликованные исповеди и признания вины стали предметом обсуждений с ярко выраженным нравственным, даже духовным, компонентом. Ричарда Никсона, самое олицетворение зла, встревоженные американцы считали непрекращающимся источником опасного осквернения. Его имя и личность, остававшиеся источником символической власти, превратились в репрезентации зла, в формы, которые Дюркгейм называл «текучим нечистым» («liquid impure»). Американцы пытались защитить себя от этой оскверняющей никсоновской лавы, возводя для нее преграды. Они стремились удерживать Никсона вне «приличного общества», в изоляции в Сан-Клементе, его бывшем президентском землевладении. Когда Никсон попытался купить дорогую квартиру в Нью-Йорке, жители дома проголосовали за то, чтобы запретить продажу. Когда он путешествовал по стране, за ним с поддразниваниями следовали толпы, а политики избегали его. Когда он вновь появился на телевидении, зрители присылали негодующие, гневные письма. По сути, Никсон мог избежать таких нападков, только выезжая за границу, хотя даже лидеры некоторых иностранных держав отказывались иметь с ним дело на публике. Среди американцев существовал огромный страх оказаться запятнанными Никсоном или его образом. Считалось, что такой контакт приведет к немедленному краху. Когда президент Форд помиловал Никсона через несколько месяцев после вступления в должность, медовый месяц в его отношениях с общественностью резко оборвался. Форд, запятанный этой связью с Никсоном (какой бы короткой она ни была), вызвал отчуждение у такого огромного числа избирателей, что это стоило ему победы на последовавших президентских выборах.

Дух «Уотергейта» постепенно все же утих. Многие из тех структур и процессов, которые подстегнули кризис, вернулись, хотя и в сильно измененной форме. Никсон пришел к власти на волне реакции возмущения современностью левого толка, и после его ухода данное консервативное движение продолжило действовать. Однако теперь оно стало гораздо более антиавторитарным. Общественные движения, такие как движение за снижение налогов и движение против аборт, совместили в себе дух критики и вызова, появившийся после «Уотергейта», с узкими и часто реакционными политическими темами. Всего шесть лет спустя после окончания «Уотергейтского дела» Рональд Рейган на всех парах влетел во власть с помощью многих старых тем, связанных с реакцией возмущения, однако заметное воздействие «Уотергейта» чувствовалось и во время его пребывания в должности. Ведь если Рейган и был даже большим консерватором, чем Никсон, он был твердо настроен проявлять свою реакцию на левое движение демократическим и конвенциональным образом. Возможно, этот настрой не был его личной позицией, но его недвусмысленно вынудило к нему

настроение общественности и сохранение жизненной силы потенциальных контрцентров — альтернатив президентской власти.

На сцену не только вернулись американские политические движения правого толка, но и авторитаризм «имперского президентства» возвратил себе большую часть прежней силы. По мере удаления от «Уотергейта» конкретные экономические и политические проблемы становились все важнее. Разрешение кризисов за границей, инфляция, проблемы энергетики — американцы все больше и больше сосредоточивались на достижении этих ускользающих «целей», которые требовали определенности и эффективности, а не обобщенной этики. Если учесть структуру американской политической системы, эти требования эффективности породили необходимость в более сильном представителе исполнительной власти. Переживания по поводу нравственности власти все больше притуплялись требованиями власти сильной и эффективной. Джимми Картер начал работу на посту президента с того, что пообещал американскому народу: «Я никогда вам не солгу». Закончил же он ее тем, что сделал сильную позицию президента основной темой своей избирательной кампании. К тому моменту, когда президентом стал Рейган, он мог открыто демонстрировать презрение к законам, запрещающим государственным служащим одновременно занимать посты в частных компаниях, переназначать на должности некоторых из наименее оскверненных фигурантов «Уотергейтского дела» и вновь окружить исполнительную власть завесой секретности и харизмы. Эти более поздние изменения не означают, что «Уотергейт» не имел эффекта. Коды, управлявшие политической властью в Америке, подверглись решительному обновлению, те коды, которые, даже находясь в латентном состоянии, продолжают влиять на реальную политическую власть. Политика в Америке попросту и в конце концов вернулась к «нормальному» уровню интересов и ролей.

Дело «Иран-контрас» 1986–1987 годов выявило обе стороны развязки «Уотергейта» — нормализацию общества и политический консерватизм, с одной стороны, и сохраняющуюся жизненную силу норм и широкое распространение демократических условностей — с другой. Подобно Никсону и другим президентам, которые столкнулись с институциональными запретами, Рейган нарушил свои должностные обязанности, чтобы достичь целей своей консервативной внешней политики незаконными средствами. Когда демократы снова захватили контроль над конгрессом в ноябре 1986 года, и консервативный настрой американского общественного мнения стал меняться, поляризующая социальная среда, которая придавала законный характер действиям Рейгана, ослабела. Именно в этом изменившемся контексте закрепился «Контрагейт», и были поставлены институциональные препятствия подерживаемым президентом вылазкам в Центральной Америке. В разгар неистовства в средствах массовой информации и полных споров слушаний в конгрессе действия Рейгана для многих американцев превратились из сомнительной политической стратегии в злоупотребление властью и даже самоуправство. Поскольку эти нападки на власть земную вновь оказались переплетены с обновлением идеальных кодов, присвоение власти описывалось как опасное, оскверняющее отклонение от демократи-

ческого дискурса гражданского общества. Эти события так и не достигли кризисного масштаба «Уотергейта»; мало с какими событиями в истории страны это происходит. Однако без «памяти о правосудии», которую обеспечил предшествующий кризис, сомнительно, чтобы действия администрации президента так быстро и легко превратились бы в целое дело. Десять лет спустя еще одному американскому президенту пришлось снова усвоить этот урок, в гораздо более неприятной форме.

Скандалы не рождаются, их создают.

Литература

- Alexander J. C.* (1982). *Theoretical logic in sociology*. 4 vols. Berkeley: University of California Press.
- Barber B.* (1983). *The logic and limits of trust*. New Brunswick: Rutgers University Press.
- Bazin A.* (1958). *Qu'est-ce que le cinéma?* Vol. 1. Paris: Cerf.
- Dayan D., Katz E.* (1988). *Articulating consensus: the ritual and rhetoric of media events // Durkheimian sociology: cultural studies/ ed. J. Alexander*. New York: Cambridge University Press.
- Douglas M.* (1966). *Purity and danger: an analysis of concepts of pollution and taboo*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Keller S.* (1963). *Beyond the ruling class: strategic elites in modern society*. New York: Random House.
- Lang G., Lang K.* (1983). *The battle for public opinion: the president, the press, and the polls during Watergate*. New York: Columbia University Press.
- Lipset S.M., Schneider W.* (1983). *The confidence gap: business, labor and government in the public mind*. New York: Free Press.
- Parsons T. et al.* (1955). *Family, socialization and interaction process*. Glencoe: Free Press.
- Political sociology.* (1971) / ed. S. N. Eisenstadt. New York: Basic Books.
- Schudson M.* (1992). *Watergate in American memory: how we remember, forget and reconstruct the past*. New York: Basic Books.
- Shils E.* (1975). *Center and periphery: essays in macrosociology*. Chicago: University of Chicago Press.
- Smelser N.* (1959). *Social change in the industrial revolution*. Chicago: University of Chicago Press.
- Smelser N.* (1963). *Theory of collective behavior*. New York: Free Press.
- Smith H. N.* (1970 [1950]). *Virgin land*. New York: Vintage Books.
- The protestant ethic and modernization: a comparative view.* (1968) / ed. S. N. Eisenstadt. New York: Basic Books.
- Turner V.* (1969). *The ritual process*. Chicago: Aldine.
- Weber M.* (1968). *Economy and society*. Berkeley: University of California Press.